

DOI: 10.19181/smtp.2021.3.3.10

ДОКТОР ФРАНКЕНШТЕЙН И РОЖДЕНИЕ ХОРРОРА

Ваганов Андрей Геннадьевич¹

---

¹ Независимая газета, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Весной 1818 года в Англии был опубликован роман, который стал точкой отсчёта нового литературного жанра. Название открытого вида литературы – научно-фантастический хоррор (от англ. horror – ужасы). Создателю научно-фантастического хоррора – Мэри Шелли – был на тот момент всего 21 год. Даже название романа стало сегодня нарицательным – «Франкенштейн, или Современный Прометей». «Архетип ужаса» – так говорят об этом произведении литературоведы. В статье сделана попытка доказать и показать, что вся фабула романа основывается на открытиях, сделанных к тому времени в науке об электрических явлениях. Рассказывается об опытах с электричеством, проводимых учёными в XVIII – начале XIX вв., и их восприятию современниками. Весь нарратив романа, его риторика и даже выразительные художественные средства – всё работает на идею подвести естественно-научную основу под абсолютно фантастический, казалось бы, замысел. Но, мало того, роман можно рассматривать и как гениальное предвидение появления того, что уже в XX веке назовут молекулярной биологией и геной инженерией.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

Франкенштейн, Мэри Шелли, Перси Шелли, ужас, Гальвани, Вольта, электромагия, генетика

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Ваганов А. Г. Доктор Франкенштейн и рождение хоррора // Управление наукой: теория и практика. 2021. Т. 3, № 3. С. 193–225.

DOI: 10.19181/sntp.2021.3.3.10

Литературоведы давно уже выяснили: научная фантастика стала одним из самых массовых жанров как раз в эпоху научно-технической революции. Именно развитие науки об электрических явлениях вызвало к жизни такое направление в беллетристике, как научно-фантастический хоррор (англ. *horror* – ужасы; в дальнейшем я для краткости так и буду его называть). И это была именно научная фантастика в современном понимании. Как же оно происходило – рождение хоррора?

1. ДЕВУШКА С УЛИЦЫ ЖИВОДЁРОВ

Весной 1818 года в Англии был опубликован (под псевдонимом) роман, на долю которого выпала редкая удача – стать первооткрывателем, эталоном, точкой отсчёта нового литературного жанра. Дотошные книговеды настаивают даже на точной датировке этого события – 18 марта 1818 года. Название открытого вида литературы – научно-фантастический хоррор. Удивительно, но создателю этого жанра было на тот момент всего 21 год. А ведь надо учесть, что идея романа посетила юную голову автора и того раньше – за два года до публикации. Но ещё более удивительно, что автор романа – девушка, Мэри Шелли (урожденная Годвин). И даже название романа стало сегодня нарицательным – «Франкенштейн, или Современный Прометей». «Архетип ужаса» – как говорят об этом произведении некоторые литературоведы [1, с. 219].

Тут, впрочем, надо оговориться. Роман Мэри Шелли всегда вызывал споры относительно его жанровой принадлежности. Его относят – и вполне обоснованно, – помимо *horror fiction*, и к «готике», и к романтической традиции, и к жанру «популярного романа», и к антиутопии. Современный исследователь Гари Вульф видит во «Франкенштейне» завершающий роман в истории жанра преднаучной фантастики («*protoscience fiction*») [2, с. 500]. Я попытаюсь доказать и показать, что во «Франкенштейне» вполне достаточно признаков для того, чтобы рассматривать его не столько, как *protoscience fiction* роман, сколько как первое полноценное произведение в жанре научной фантастики (*science fiction*). Не откладывая в долгий ящик – вот одно из подтверждений моей гипотезы.

Предисловие к первому, напомним, анонимному, изданию «Франкенштейна» начинается без раскочки: «Событие, на котором основана эта повесть, по мнению доктора Дарвина и некоторых немецких писателей-физиологов, не может считаться абсолютно невозможным. Не следует думать, что я хоть сколько-нибудь верю в подобный вымысел. Однако, взяв его за основу художественного творения, полагаю, что не просто сплела цепочку сверхъестественных ужасов, происшествие, составляющее суть повествования, выгодно отличается от обычных рассказов о приведениях или колдовских чарах и привлекло меня новизною перипетий, им порождённых» [2,

с. 9]. Как признаётся в предисловии к изданию романа 1831 года сама Мэри Шелли, автором процитированных выше строк был её муж – английский поэт Перси Биши Шелли. А «доктор Дарвин» – это дедушка Чарльза Дарвина, Эразм. Об этом персонаже в нашей истории ещё представится повод поговорить немного подробнее.

Как бы там ни было, но вот уж кому на все сто соответствует поговорка – «с каждым случается именно то, что ему больше всего подходит», так это именно Мэри Шелли. В предисловии ко второму переизданию «Франкенштейна...» в 1831 году – уже под её собственным именем – она сходу ставит вопрос ребром: «Как могла я, в тогдашнем своем юном возрасте, выбрать и развить столь жуткую тему?»¹ А действительно – как? И что это была за «жуткая тема»?

Мама будущей писательницы, Мэри Уолстонкрафт (1759–1797), настоящая икона феминистского движения, была страстной поклонницей идей Эразма Дарвина (1731–1802). Впрочем, ничего плотского. Просто дедушка Чарльза Дарвина, сам врач и ботаник, сочинил, помимо всего прочего, и программу реформы женского образования – «План женского воспитания в школах» (опубликован в 1797 году). Одна из первых феминисток Мэри Уолстонкрафт, естественно, не могла пройти мимо этого факта и мгновенно встала в ряды сторонниц идей Эразма Дарвина. Про этого человека всё-таки надо сказать ещё несколько слов. Эта информация нам ещё пригодится.

В середине XVIII века вокруг Эразма начинает складываться, как сказали бы сегодня, команда молодых и горячих единомышленников: учёные, литераторы, промышленники... Своеобразный дискуссионный клуб, получивший название Лунное общество (*Lunar Society*). Среди «лунатиков» были шотландский врач Уильям Смолл, владелец одного из крупнейших заводов Европы по изготовлению металлической фурнитуры Мэттью Болтон, изобретатель парового двигателя Джеймс Уатт. (Кстати, и Смолл, и Болтон, и сам Эразм Дарвин состояли в активной переписке с Бенджамином Франклином). Именно на одном из заседаний Лунного общества, проходивших чаще всего в полнолуние (отсюда и название), Уатт и познакомился в 1768 году с Болтоном; изобретательский гений соединился с предпринимательским талантом. Мир в результате получил работоспособный паровой двигатель, а заодно и промышленную революцию: в 1769 году Уатт запатентовал свою паровую машину, а уже в 1780 году Уатт и Болтон продали сорок паровых двигателей. «История Уатта и Болтона оказывается особенно захватывающей, – подмечает французский историк Пьер Шоню, – поскольку она показывает действие мысли и средств – объединённое действие изобретательского гения, средств и требований капитализма» [3, с. 393]. (Американский историк экономической мысли Роберт Хайлбронер так определил суть произошедшего переворота: «Экономистам было бы нечем заняться в течение ещё нескольких столетий – до тех пор, пока огромный самодостаточный и самовоспроизводящийся мир не изверг из себя суетливый, неугомный и открытый для всех мир XVIII века» [4, с. 34].)

¹ Здесь и далее все цитаты из романа даются по изданию: Шелли М. Франкенштейн, или Современный Прометей: Роман / Пер. с англ. З. Александровой. М.: Эксмо, 2007. 288 с.

«Призвать воображение под знамена науки!» – этот лозунг, провозглашённый Эразмом Дарвином, вполне мог бы стать и девизом Лунного общества. А как по-современному звучит! И, кстати, сам Эразм с увлечением занимался не только пестиками и тычинками, но и конструированием сухопутной «огненной повозки» – прообраз автомобиля на паровом ходу. Из этой затеи, правда, ничего путного не вышло [5, с. 152].

Нет, положительно, Мэри Уолстонкрафт не могла пройти мимо такого мужчины. Впрочем, повторяю, ничего плотского².

Но вот в художника Иоганна Хенрика Фюссли (1741–1825), автора феноменально популярного в конце XVIII века полотна «Ночной кошмар» (1781), мисс Уолстонкрафт была влюблена безумно. Фюссли, швейцарец по происхождению (забегая немного вперед, обратим внимание на этот факт – Виктор Франкенштейн тоже из Швейцарии), большую часть жизни провёл в Англии – отсюда и англоязычная транскрипция его имени: *Henry Fuseli*, Фюзели. Кошмар в XVIII веке представляли себе так. Запрокинутая навзничь в своей постели девушка в ночной сорочке, на груди у которой сидит некий волосатый карлик-мутант, инкуб – мужеподобное существо, из падших ангелов. Инкубы, по народным поверьям, могли совокупляться с женщинами, в результате на свет рождались такие же мутанты и полу-уроды. А в раздвинутый полог над ложем просовывается ослиная голова с обезумевшими, выпученными водянисто-желтыми круглыми глазами...

Гёте дал такую характеристику творческому методу Фюссли: «Манера во всём, даже в анатомии. Художественный и поэтический гений. Известная идиосинкразия к побеждённым. Женщины, изображённые особым образом. Позы. Сладострастность. Влияние Шекспира, столетия, Англии» [6, с. 84–85].

У Зигмунда Фрейда «Ночной кошмар» была одной из любимейших картин: «Она, очевидно, была для него иллюстрацией его идей о роли подсознательного в психике человека» [6, с. 90].

Повторяю, «Ночной кошмар» вызвал такую бурю эмоций, с которой даже и сравнить нечего было в то время. Известный английский меценат Уолпол называл Фюссли «шокирующе безумным, безумнее, чем кто-либо, совершенно безумным» [6, с. 88]. Но вот Эразм Дарвин так не считал. Более того, на гравюре с этой скандальной картины были даже воспроизведены строки из его стихотворения, которое он специально написал по поводу «Ночного кошмара» (Это стихотворение вошло в поэму Эразма Дарвина «Ботанический сад», 1789 г.). Вот эти строки:

*Это – «Ночной кошмар»: в вечернем тумане
Демоны парят над озером и болотистыми водами.
Ищут юных девушек, спящих в свете призрачном,
И садятся на грудь их с улыбкой сардонической.*

² У самого Эразма Дарвина было три сына, кроме двух умерших в раннем детстве, от первой жены; от второго брака – четыре сына и три дочери. Кроме того, у него ещё были две внебрачные дочери, которым он дал очень хорошее образование и воспитание. Настолько хорошее, что впоследствии они находились во вполне дружеских и доброжелательных отношениях с законными дочерьми и вдовой Эразма Дарвина.

*В крошечной тьме и мраке тёмной ночи
 Глаз поэтический Фюзели увидел это воочию.
 Яркими красками и с грацией счастливой Шекспира
 Он придал фантомам воздушным реальность этого мира.
 Голова женщины на подушке держится еле-еле,
 И белоснежные руки беспомощно свисают с постели.
 Вы слышите вздохи неровные, замедленное дыхание,
 Прерывистый пульс и голоса близкой смерти звучание [6, с. 88]*

Увы, к несчастью Мэри Уолстонкрафт, женщины в живописи и графике Фюссли представляют агрессивное и демоническое начало. Федерико Дзери, итальянский историк искусства, называет Фюссли даже «придворным живописцем дьявола». «Вопреки достижениям науки необъяснимое вторгается в наше сознание, – пишет Дзери, разбирая психологические особенности творчества Фюссли. – Теории просветителей с их верой во всемогущество человеческого разума оказалось утопией, в то время как иррациональный романтизм доказал своё право на существование. Волшебный мир, созданный Фюссли, манит нас, словно сладостный сон, в котором рассеивается всё то, что вселяет в нас уверенность днём: разрушаются искусственные стереотипы мышления, меркнет свет прописных истин» [7, с. 12]. Мэри Шелли как будто скопирует эту методику, создавая своего «Франкенштейна...».

Но Мэри Уолстонкрафт и сама была автором нескольких бестселлеров XVIII века, в том числе книг «Размышления по поводу воспитания дочерей», «Защита женского равноправия, с критическими замечаниями на политические и нравственные темы». Она и первую свою дочь, Фанни, родила вне брака – неординарный поступок по тем временам. Да и замуж за философа и публициста Уильяма Годвина вышла, уже будучи беременной от него. 30 августа 1797 года Мэри Годвин-Уолстонкрафт родила дочку, названную в честь мамы тоже Мэри. А через одиннадцать дней умерла от родильной горячки. По воспоминаниям Уильяма Годвина, она так и не пришла в сознание после родов и не увидела своей дочери.

Детство и юность Мэри Годвин провела в доме отца на улице с романтическим названием – улица Живодёров. Именно там шестнадцатилетнюю Мэри встретил восторженный почитатель таланта её отца, Уильяма Годвина, тоже ещё совсем молоденький отпрыск одного из богатейших помещиков Суссекса, красавчик и романтический поэт Перси Биши Шелли. Между молодыми людьми, что называется, заискрило сразу.

«После первой же встречи с Мэри Уолстонкрафт Годвин Шелли вполне мог бы сказать: “*Ut vidi! Ut peril!*” <«Увидел и погиб» (лат.)> Ни в одной книге, будь то роман или историческое исследование, мне ни разу не доводилось встречать более внезапной, бурной, неукротимой страсти, чем та, которой был охвачен Шелли, когда я, по его просьбе, приехал к нему в Лондон, – вспоминал один из ближайших друзей и душеприказчик Перси Шелли, романист и поэт Томас Лав Пикок. – По тому, как он выглядел, как говорил и держался, создавалось впечатление, что он разрывается между былыми чувствами к Харриет <первая жена Шелли>, с которой он тогда

ещё не порвал, и охватившей его теперь страстью к Мэри; казалось, его рас­судок уподобляется “маленькому государству, где вспыхнуло междуусобье”. Глаза его были воспалены, волосы и одежда в беспорядке. Он схватил со стола склянку с морфием и воскликнул: “Теперь я с этим не расстаюсь”» [8, с. 370].

Именно из дома на улице Живодёров Перси Шелли и умыкнул (букваль­но) Мэри в Париж. И хотя, повторю, Перси уже был женат и даже имел сына, но страсть к Мэри была сильнее отцовского долга:

*Гляди, гляди – не отвращай свой взгляд!
Читай любовь в моих глазах влюблённых,
Лучи в них отраженные горят,
Лучи твоих очей непобежденных.*

«К ... (Мэри Годвин)», 1813³

Таков он был – XVIII век, породивший общество «человеко-машин и ис­теричных женщин» [9, с. 168].

2. «Я РАЗРЕЗАЛ И ПРЕПАРИРОВАЛ ЛЯГУШКУ...»

Про век «истеричных женщин» – это не случайно. «Учёные женщины XVIII века уже не забавлялись с рефрактором, они слушали лекции аббата Нолле и вдохновлялись тайной электричества», – отмечает Пьер Шоню [3, с. 289]. (Кто такой, этот самый аббат Нолле – об этом чуть ниже.) XVIII век весь был как бы «наэлектризован».

1704–1705 годы. Англичанин Фрэнсис Хоксби проводил многочисленные опыты с электричеством, в результате которых он ввёл в употребление в качестве источника «электрической силы» знакомую сегодня каждому школь­нику стеклянную палочку, электризуемую при натирании рукой, бумагой, тканью или мехом. Он же изобрёл первый электроскоп. «Тем самым опыты с электричеством стали общедоступными, дешёвыми и весьма развлекатель­ными» [10, с. 170].

1729 год. Ещё один англичанин, Стивен Грей, обнаружил, что электри­чество может распространяться по некоторым телам. Опыт, который демон­стрировал этот эффект, приводил в восхищение и трепет тогдашнюю публи­ку: ребёнка подвешивали горизонтально на веревках и наэлектризовывали приближением заряженной стеклянной палочки к его ногам.

Сведения об опытах Грея получили большое распространение и вызва­ли огромное количество подражателей, хотя путь их к широкой публике был непростым. Дело в том, что Грею покровительствовал другой выдаю­щийся учёный-астроном того времени, член Королевского общества, Джон Флемстид. Великий и ужасный Исаак Ньютон, президент Королевского об­щества с 1703 по 1727 год, открыто враждовал с Флемстидом. За время пре-

³ Здесь и далее стихи Перси Шелли цитируются по изданию: Шелли П. Странники мира. М.: Эксмо, 2005. 416 с.

зидентства Ньютона Грей смог опубликовать в журнале этого Королевского общества – *Philosophical Transactions*, ведущем научном журнале в Европе в то время, – только одну работу по электричеству – в 1720 году (*Philosophical Transactions*, 13, т. 6, с. 490–492).

Советский физик Л. Н. Крыжановский даёт такую характеристику этой публикации: «Работа отличается большой новизной. В этой работе Грей, в частности, показал возможность электризации трением таких веществ, как шёлковые нити, ленты, бумага, кожа. Эффект проверялся по притяжению нитями и т. п. лёгких тел, иногда на расстоянии 8–10 дюймов. При предварительном нагреве эффект усиливался (это объясняется удалением влаги). Когда Грей подносил руку к наэлектризованным телам в темноте, то от них исходили свет и потрескивание (как в опытах со стеклом, замечает Грей). Названные вещества нашли впоследствии широкое применение не только в научных исследованиях, но и в практических применениях электричества» [11, с. 131–132].

1733 год. На этот раз француз, Шарль-Франсуа де Систерне-Дюфэ, открывает существование двух видов электричества – положительно заряженного и отрицательно заряженного. (Так называемых «стеклянного» и «смоляного», соответственно.) «Случай помог мне открыть другой принцип, более общий и более значительный, – сообщал Дюфэ. – Этот принцип состоит в том, что существуют два рода электричества, в высокой степени отличных один от другого: одно я называю “стеклянным электричеством”, другое – “смоляным”. Первое получается при натирании стекла горного хрусталя, драгоценных камней, шерсти животных и др.; второе – при натирании смолы, янтаря, копаловой камеди.

Особенность этих двух родов электричества: отталкивать однородное с ним и притягивать противоположное» [12, с. 36].

Не позднее 1738 года. Английский учёный французского происхождения, гугенот Жан-Теофиль Деагюлье, ввёл термины «проводник» и «непроводник». Кстати, Деагюлье сменил Фрэнсиса Хоксби на посту куратора экспериментов Королевского общества (Лондон).

1740 год. В Венеции, Турине и Болонье предприняты первые попытки применения электричества в медицинских целях.

1745 год. Немецкий каноник Эвальд Юрген фон Клейст, пытаясь наэлектризовать воду, которая считалась полезной для здоровья, и, независимо от него, лейденский физик Мушенброк, проводя более академические, но похожие по сути опыты, получили очень сильные удары, вызвавшие онемение руки и плеча.

В январе 1746 года Реомюр в Париже получил письмо от Мушенброка. «Хочу сообщить Вам новый и странный опыт, который советую самим никак не повторять. Я делал некоторые исследования над электрическою силою и для этой цели повесил на двух шнурах из голубого (sic! – похоже, очень важная деталь для Мушенброка. – прим. А. В.) шелку железный ствол, получивший через сообщение электричество от стеклянного шара, который приводился в быстрое вращение и натирался прикосновением рук. На другом конце (левом) свободно висела медная проволока, конец которой был погру-

жён в круглый стеклянный сосуд, отчасти наполненный водою, который я держал в правой руке, другой же рукою я пробовал извлечь искры из наэлектризованного ствола. Вдруг моя правая рука была поражена с такой силой, что всё тело содрогнулось, как от удара молнии... Рука и всё тело поражаются столь страшным образом, что и сказать не могу; одним словом, я думал, что пришёл конец...», – делился своими впечатлениями Мушенброк [12, с. 38]. Так был изобретён прибор, который вошёл в историю науки под названием «лейденская банка», а, по сути, это был электрический конденсатор.

Опыт Мушенброка был воспринят как сенсация. И учёные, и любопытствующая публика в массовом порядке стали повторять его во всех возможных вариантах.

Француз Нолле, «неутомимый проповедник евангелия от электричества в салонах и кабинетах Франции и всей Европы», как отрекомендовывает его всё тот же Пьер Шоню, творчески развивает возможности использования лейденской банки: он начал с опыта по «содроганию» целой цепи державшихся за руки монахов в картезианском монастыре в Париже; потом с помощью электрического разряда, на виду у представителей парижского света, убил несколько птичек. Но вершиной его экспериментальной деятельности стал опыт в присутствии короля в Версале. Нолле организовал цепь из 180 гвардейцев, взявшихся за руки: первый держал в свободной руке банку, а последний извлекал искру. «Удар чувствовался всеми в тот же момент; было курьёзно видеть разнообразие жестов и слышать мгновенный вскрик, исторгаемый неожиданностью у большей части получающих удар», – живописал Нолле.

1747 год. В Венеции выходит брошюра Франческо Пивати «О медицинском электричестве».

1750 год. Американец Бенджамин Франклин, широко известный сегодня по своему портрету на стодолларовой купюре, открывает «...удивительное свойство остроконечных тел как притягивать, так и отталкивать электрический огонь» [10, с. 174]. В результате систематических экспериментов он устанавливает качественное сходство между электрической искрой и молнией.

Кстати, в этом «узле» история делает первое, ещё очень осторожное приближение к теме, которая потом так поразит юную Мэри Шелли. Дело в том, что никто иной, как философ Иммануил Кант, назвал Франклина – «Современный Прометей»: «Он подарил людям власть над молнией, как Прометей в греческих мифах подарил людям огонь».

1752 год. Французский физик Луи Гийом Лемонье открыл явление наэлектризованности атмосферы даже при ясной погоде.

26 июля 1752 года. Профессор Санкт-Петербургской Академии Г. В. Рихман был убит искрой, вылетевшей из шеста, установленного на крыше, от которого шла проволока внутрь его дома. Эта проволока кончалась в стеклянном сосуде с медными стружками.

1759 год. Российский академик Франц Ульрих Теодор Эпинус в своём «Трактате о теории электричества и магнетизма» (СПб.) попытался дать теорию воздействия разрядов на стальные предметы. В ней совершенно устранено было из учения об электричестве представление об истечениях некоей

электрической жидкости из тел. Вместо этого Эпинус высказал идею «действия на расстоянии» (*actio in distans*).

1762 год. В Англии Уильям Уотсон построил первый громоотвод.

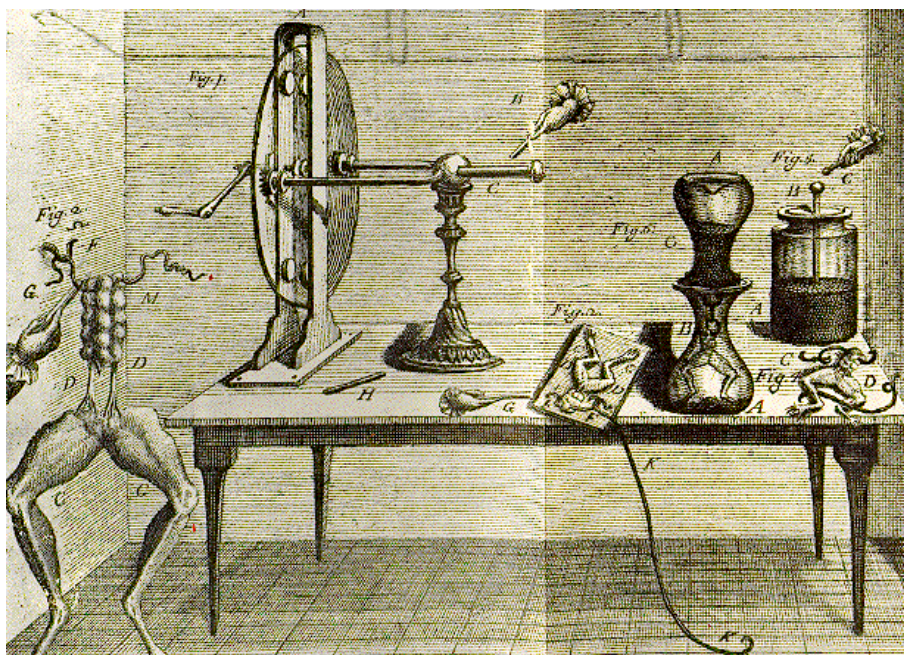
1773 год. Джон Уолш публикует мемуар, в котором доказывает электрическую природу некоторых пород рыб, называемых с тех пор электрическими скатами.

1776 год. Кавендиш создаёт «искусственного электрического ската» – батарею из лейденских банок.

1782 год. В Филадельфии, на родине Франклина, имелось уже 400 громоотводов...

«Ни один из отделов физики не получил такого быстрого развития в XVIII столетии, как отдел электричества», – справедливо замечает В. И. Лебедев [12, с. 29]. Вся природа стала электрической. «Будучи главным предметом салонной физики, они <магнетизм и электричество> повлияли на формирование общественного мнения, стали катализатором научной евангелизации общества» [3, с. 293]. Тот же Эразм Дарвин, как свидетельствовал его великий внук Чарльз Дарвин, в молодости с энтузиазмом рассуждал о сходстве умственной работы с электрической энергией. А ещё, будучи мальчиком, Эразм уже производил электрические опыты с помощью изобретённого им прибора [13, с. 158, 160]. Как мы увидим чуть ниже – повальное увлечение в XVIII веке!

Но фундаментальное значение в том литературном процессе, который мы исследуем, – рождение *horror fiction* как разновидности жанра научной фантастики – имели исследования Луиджи Гальвани (1737–1798), хирурга из Болоньи. «...Когда наука, казалось, приближается к состоянию покоя, явление конвульсивных движений, подмеченных Гальвани в мускулах лягушки при соприкосновении их с металлами, привлекло к себе внимание и изумление физиков», – пишет автор французского учебника физики Аюи [14, с. 9].

Рис. 1. Гравюра из книги Луиджи Гальвани «Трактат о силах электричества при мышечном движении», 1791. Источник: Льюцци М. История физики / Пер. с итал. Э. Л. Бурштейна. М.: Мир, 1970. 464 с.

Опуская сугубо научное значение этих опытов, мы можем отметить, что Гальвани, с точки зрения массовой культуры, удалось сделать главное – найти образ, который стал наглядным, «отвратительным», но потому и запоминающимся, визуальным символом новой загадочной субстанции – электричества. Образ этот материализовался в виде препарированного земноводного существа – лягушки.

«Лягушка Гальвани, подобно яблоку Ньютона, превратилась в эмблему случая-творца, сыграв роль первого в истории человечества электроизмерительного прибора <...>. После этого по всей Европе поднялась волна экспериментов, наладивших прямую связь между биологическими лабораториями, мясными лавками, гильотинами и кладбищами. С электродом в руке Вольта заставлял шевелиться отрубленный бараний язык и петль обезглавленных кузнечиков. Дзанетти в течение двух часов наблюдал за сокращением каждого из кусков змеи, разрубленной натрое. Ксавье Биша (1771–1802) ставил опыты на обезглавленной собаке; в ветеринарной лаборатории Альфорта наэлектризованная голова быка “в ярости вращала глазами и трясла ушами”», – отмечает историк науки Никола Витковски [9, с. 155–157].

Речь идёт о знаменитом опыте Гальвани, который он изложил в «Трактате о силах электричества при мышечном движении» (1791). Вот как сам Луиджи Гальвани описывает обстоятельства своего открытия:

«Я разрезал и препарировал лягушку <...> и поместил её на стол, на котором находилась электрическая машина, при полном разобщении от кондуктора последней и на довольно большом расстоянии от него. Когда один из моих помощников остриём скальпеля случайно очень легко коснулся внутренних бедренных нервов этой лягушки, то немедленно все мышцы конечностей начали так сокращаться, что казались впавшими в сильнейшие тонические судороги. Другой же из них, который помогал нам в опытах по электричеству, заметил, как ему казалось, что это удаётся тогда, когда из кондуктора машины извлекается искра. Удивленный новым явлением, он тотчас же обратил на него моё внимание, хотя я замышлял совсем другое и был поглощён своими мыслями. Тогда я зажёгся страстным желанием исследовать это явление и вынести на свет то, что было в нём скрытого» [10, с. 192].

Впрочем, лягушка Гальвани – первый, по сути, прибор-индикатор электрического тока – превратилась в такой же генератор мифов, как и яблоко, якобы упавшее на голову Ньютона. В научной (и околонушной) литературе описано столько вариантов опыта Гальвани, что истинный ход событий, приведший к великому открытию, сегодня уже вряд ли удастся установить. Так, отечественный историк науки В. И. Лебедев в 1919 году предлагал такую трогательную версию обстоятельств, приведших к открытию гальванизма: «Случилось так, что врачи прописали больной жене Гальвани укрепительный суп из лягушачьих лапок. И вот однажды, когда на столе лежало множество лягушек, с которых была содрана кожа, и Гальвани производил здесь же опыты с электрической машиной, он вдруг заметил, что, когда один из его учеников дотрагивался ножом до обнаженного нерва лягушки, она приходила в странное содрогание» [12, с. 76].

Академик Исаак Кикоин менее романтичен: «...итальянский врач Гальвани заметил, что если к ножкам препарированной лягушки приложить

циркуль, сделанный из двух разных металлов, то мышцы её сокращаются» [15, с. 181].

Вот какое объяснение этому биофизическому явлению находил Гальвани. «Это было несколько неожиданно и заставило меня предположить, что электричество *находится внутри животного*. Это подозрение усилилось наблюдением, что нечто вроде тонкой нервной жидкости (подобно электрическому разряду в лейденской банке) совершает переход от нервов к мускулам, когда происходит содрогание» [12, с. 78].

В общем, историку науки есть из чего выбрать! Не забудем только, что сам Гальвани в эпитафии своей горячо любимой жене Лючии напишет: «Не она ли обнаружила новую силу в разделанной лягушке, когда одна рука коснулась металлического электрода, а другая – нерва?» [9, с. 159].

И всё-таки интрига сохраняется до последнего. «Итак, я считал, что сделаю нечто ценное, если я кратко и точно изложу историю моих открытий в таком порядке и расположении, в каком мне их доставили отчасти случай и счастливая судьба, отчасти трудолюбие и прилежание, – ненароком подливает масла в огонь будущих споров Луиджи Гальвани в предисловии к своему «Трактату». – Я сделаю это не только для того, чтобы мне не приписывалось больше, чем счастливому случаю или счастливому случаю больше, чем мне, но для того, чтобы дать как бы факел тем, которые пожелают пойти по тому же пути исследования, или, по крайней мере, чтобы удовлетворить благородное желание учёных, которые обычно находят удовольствие в познании начала и сути вещей, заключающих в себе нечто новое» [16, с. 127]. Перед нами, как говорят литературоведы, – произведение с открытым финалом.

После сенсационных опытов Гальвани просвещённое общество едва ли не обезумело: где только находилось несчастное земноводное животное, каждый хотел собственными руками сотворить и собственными же глазами посмотреть на «оживление» отрезанной конечности лягушки. Физиологи большие надежды возлагали на то, что гальванизм открывает им прямой путь к обладанию некоей «жизненной силой»; врачи ещё больше уверились в том, что эта жизненная сила и есть универсальное средство исцеления едва ли не от всех болезней, да что там болезней – чуть ли не от смерти!

Не сумел обойтись без препарированной лягушки и яростный оппонент Луиджи Гальвани, его альтер-эго, если угодно, тоже итальянец – Алессандро Вольта. Если Гальвани утверждал, что токи имеют животное происхождение, то Вольта отстаивал металлическую природу электрического флюида. Описание его классического эксперимента не менее живописно, чем у Гальвани.

«Четверо или несколько человек, изолированных, – для чего достаточно, чтоб они стояли ногами на каменном полу, если он сух, – приводятся в проводящее соединение, – пишет Вольта (и дальше – очень важно, как именно приводятся эти добровольцы «в проводящее соединение»). – Причём один пальцем касается кончика языка соседа, этот же своим пальцем – глазного яблока следующего; двое других держат мокрыми руками один – ноги, другой – позвоночник препарированной лягушки. Первый в ряду берёт во влажную руку цинковую пластинку, последний же – серебряную, и приводят их

в соприкосновение. Тотчас тот, которого касается своим пальцем держащий в другой руке цинк, почувствует кислый вкус; тот, до чьего глаза касается палец соседа, заметит как бы свет; лягушка придёт в содрогание» [12, с. 81].

3. ТОТАЛЬНАЯ ЭЛЕКТРОМАНИЯ

Как бы там ни было, но Перси Биши Шелли с юности мечтал стать вовсе не поэтом, а естествоиспытателем. «Электростатическая машина, вакуумный насос, гальваническая батарея, солнечный микроскоп и большие стеклянные воздухозаборники валялись в немыслимом беспорядке», – так, по описанию современника, выглядела комната будущего классика радикального романтизма в бытность его студентом [9, с. 154]. Как и многие его сверстники в начале XIX века, с энтузиазмом занимался повторением электрических опытов Джованни Альдини, потрясших в своё время Лондон. Альдини (1762–1834), племянник Гальвани, а заодно и его литературный агент и промоутер, как сказали бы сегодня, начал свои электрические эксперименты ещё в Италии. Приехав же с «гастролями» в Лондон, он продолжил, не мелочась, гальванические экзерсисы с телами повешенных. В 1803 году он публикует книгу, название которой многое объясняет: «Отчёт о последних достижениях в области гальванизма, основанный на серии примечательных опытов; с приложением рассказа об авторских экспериментах над телом преступника, казнённого в Ньюгейтской тюрьме». Истории даже известно имя преступника, о котором пишет Альдини, – это был человек по фамилии Фостер, осуждённый за убийство.

Надо заметить, что предприимчивость Альдини нашла благодатную почву в современной ему Англии. С трупами проблем не было. Созерцание публичных казней и всей следовавшей за этим суматохи вокруг прав на умерщвлённое тело преступника было одним из излюбленных развлечений англичан той эпохи. «Часто можно видеть усилия, которые прилагают друзья и родственники повешенного к тому, чтобы он умер поскорее и не задышался, – живописует публичную казнь в Лондоне, имевшую место в 1725 году, швейцарский путешественник Де Соссюр. – Тела и одежда мертвецов принадлежат палачу. Родственники, по желанию, могут их выкупить, невыкупленные тела продаются врачам для вскрытия. Можно увидеть забавные сцены между людьми, которые не хотят, чтобы тела были разрезаны, и учениками лекарей, отправленными за телами. Прежде чем удастся заполучить тело, немало ударов следует с той и с другой стороны, а бывает, что в суматохе тела удаётся быстро унести и похоронить <...>. Все эти сцены среди шума и суматохи являют собой зрелище невообразимое, и за ними можно наблюдать из своего рода амфитеатра, построенного для зрителей вокруг виселицы» [17, с. 278].

К концу XVII и особенно к началу XVIII века анатомия вообще становится своеобразной модой. «Ни один правитель не мог прослыть “просвещённым”, если не имел придворного анатома. Искусные анатомы начинают зарабатывать огромные деньги, и сам век становится “золотым не столько

для анатомии, сколько для анатомов”... Искусство препарирования во второй половине XVII в. достигает <в Европе> очень высокого уровня. В Амстердаме появляются даже анатомические музеи, демонстрирующие посетителям за плату различные препараты» [18, с. 14].

Так что к экспериментам племянника Гальвани публика была более или менее морально готова. И всё же даже закалённые созерцанием публичных экзекуций английские народные массы порой не выдерживали новомодных гальванических «штучек» – у подданных английской короны сдавали нервы. Вот описание современника одного из опытов Альдини: «Восстановилось тяжёлое конвульсивное дыхание; глаза вновь открылись, губы зашевелились, и лицо убийцы, не подчиняясь больше никакому управляющему инстинкту, стало корчить такие странные гримасы, что один из ассистентов лишился от ужаса чувств и на протяжении нескольких дней страдал настоящим умственным расстройством» [9, с. 157].

Жена Перси Шелли, Мэри Шелли, тоже не смогла (да и не собиралась, судя по всему) экранироваться от этой насквозь электризованной атмосферы, окружавшей её. Так, известно, что в октябре 1816 года она читала одну из работ английского электрохимика сэра Хемфри Дэви (1778–1829). Возможно, это была брошюра «Вводное рассуждение к курсу лекций по химии» (1802). В ней, между прочим, Дэви отмечал: «Установлены состав атмосферы и свойства газов, исследован феномен электричества, молния исторгнута из облаков, наконец, открыт новый фактор, который позволяет человеку извлекать из мёртвой материи эффекты, вызывавшиеся прежде только в органах животных» [2, с. 558]. Кстати, Дэви был другом отца Мэри Шелли – Уильяма Годвина. А в библиотеке Перси Биши Шелли была работа Дэви, изданная в 1812 году, – «К основам химической философии».

Страна и время победившей электромании... Отсюда до «Франкенштейна...», романа, обесмертившего имя Мэри Шелли, – один шаг. Меньше даже! Мамина впечатлительность, навеянная кошмарами Фюссли, передаваясь, не иначе как на генетическом уровне, и собственные электрические впечатления сделали своё дело. «Я увидела, как это отвратительное существо сперва лежало неподвижно, а потом, повинувшись некоей силе⁴, подало признаки жизни и неуклюже задвигалось», – вспоминала обстоятельства своего литературного озарения Мэри Шелли [2, с. 11]. Речь идёт о сне (видении, полубреде – и опять, никуда не деться, от аллюзий с «Ночным кошмаром» Фюссли), который юная Мэри увидела летней дождливой ночью 1816 года, когда она и Перси посетили Швейцарию и случайно оказались соседями лорда Байрона.

Коллеги-поэты, лорд Байрон и Перси Шелли, личный врач Байрона Джон Полидори, сводная сестра Мэри Шелли – Джейн Клер Клермонт, предавались долгим беседам на швейцарской вилле Диодати. «Однажды они обсуждали различные философские вопросы, в том числе секрет зарождения жизни и возможность когда-нибудь открыть его и воспроизвести, – пишет Мэри

⁴ Не иначе, как Шелли имеет в виду электрический разряд гальванической батареи! Хотя в оригинале это не уточняется: речь идёт о «механическом импульсе от какого-то источника энергии» (the mechanical impulse of some power)

Шелли. – Они говорили об опытах доктора Дарвина (я не имею здесь в виду того, что доктор действительно сделал или уверяет, что сделал, но то, что об этом тогда говорилось, ибо только это относится к моей теме)⁵; он будто бы хранил в пробирке кусок вермишели, пока тот каким-то образом не обрёл способности двигаться. Решили, что оживление материи пойдёт иным путем. Быть может, удастся оживить труп; явление гальванизма, казалось, позволяло на это надеяться; быть может, учёные научатся создавать отдельные органы, соединять их и вдыхать в них жизнь» [2, с. 10]. Круг замкнулся! Вернее – замкнулась гальваническая цепь. Ток медленно потёк по проводам...

Для полноты картины и окончательной, так сказать, психологической реконструкции атмосферы, в которой родился хоррор, можно добавить и несколько стихотворных строчек самого Перси Биши Шелли. Вот, например:

*Тайны смерти пребудут, не будет лишь нас,
Всё пребудет, лишь труп наш, остывши, не дышит,
Поразительный слух, тонко-созданный глаз,
Не увидит, о, нет, ничего не услышит...*

(«О смерти», 1813–1815).

Или такое:

*Усопшие покоятся в земле,
Но чудится, как будто слышен шёпот,
Тень мысли, чувства движется во мгле,
Вкруг жизни молодой скользит загробный ропот.*

(«Летний вечер на кладбище», 1813–1815).⁶

Всё-таки Мэри Шелли, пожалуй, чересчур категорична, когда заявляет: «Я не обязана моему мужу ни одним эпизодом, пожалуй, даже ни одной мыслью этой повести...» [2, с. 12]. Недаром даже Карл Маркс и Фридрих Энгельс называли Перси Биши Шелли «гениальным пророком». Правда, похоже, они имели в виду совсем других призраков, бродивших по Европе.

4. ЖЁЛТОЕ ЛУННОЕ ЭЛЕКТРИЧЕСТВО

Сказать, что имя собственное – Франкенштейн – стало нарицательным, стало абсолютным эталоном пошлости и банальности, замешанных на элементарном невежестве, – значит ничего не сказать. Один только лозунг «Нет пище Франкенштейна!» сделал для деградации коллективного разума человечества едва ли не столько же, сколько пропаганда идей «чучхе».

Ещё очень любят приводить роман Мэри Шелли в качестве примера (а лучше сказать – обоснования) моральной ответственности учёного за проводимые им, учёным, исследования. Мэри Шелли, действительно, три раза

⁵ Речь, конечно же, об Эразме Дарвине!

⁶ Шелли П. Странники мира... М., 2005.

на протяжении романа говорит об этой проблеме открытым текстом. Два раза из них – устами Виктора Франкенштейна: «Знаете, куда может привести вас ваше праздное любопытство? Неужели вы тоже хотите создать себе и всему миру дьявольски злобного врага?» (с. 265); «Ищите счастья в покое и бойтесь честолюбия; бойтесь даже невинного по видимости стремления отличиться в научных открытиях» (с. 276). Один раз – устами созданного Франкенштейном существа: «...я воздвигну себе погребальный костер и превращу в пепел своё злополучное тело, чтобы мои останки не послужили для какого-нибудь любопытного ключом к запретной тайне, и он не вздумал создать другого, подобного мне» (с. 282).

Но я утверждаю: всё, что приписывается морализаторского этому роману, – этическая ответственность учёного и проч. – сделано Мэри Шелли вольно или невольно! – только ради того, чтобы более или менее складно свести концы с концами в логике развития сюжета. Просто, чтобы не объяснять правдоподобно – чего она при всём желании сделать и не могла – методику экспериментов, которыми занимался Виктор Франкенштейн в университете баварского городка Ингольштадт, в уединённой комнатке на втором этаже частного дома, где он квартировал. Мэри Шелли пришлось скрыть эту гипотетическую тогда методику за кулисами этики. Вполне по-современному, политкорректно. Опять-таки неслучайно у Мэри Шелли появляется именно Ингольштадт. Этот город в 50 километрах от Мюнхена уже тогда был известен своим университетом, основанным в 1472 году. Как пишет С. А. Антонов, автор примечаний к «Франкенштейну...», «во времена Французской революции Ингольштадтский университет стал оплотом близкого к масонству тайного религиозно-политического общества “иллюминатов” (“просветлённых”), созданного в 1776 г. доктором права Адамом Вейсгауптом (1748–1830) и нередко ассоциировавшегося с якобинством, проповедью всеобщего равенства и атеизма» [2, с. 556]. А ещё интересно отметить, что именно в Ингольштадте жил и преподавал в университете в эпоху европейского Возрождения исторический профессор Фауст!

Но прежде, чем мы перейдём к реконструкции экспериментальных методов Франкенштейна, остановимся на общей, так сказать, экспозиции романа.

Вообще, почему Мэри Шелли сделала Франкенштейна швейцарцем? Почему Швейцария? «Швейцария – едва различимая точка на земле. Чтобы её увидеть, она должна блистать как изумруд, а она – кусок грязи, – писал из Лондона ещё в 1765 году известный уже персонаж нашей истории, художник Фюссли, своему другу Каспару Лаватеру. – Швейцария и кантон, где я родился, находятся в упадке... Гордость здесь служит практическим интересам, добродетель – выгоде, религия – шарлатанству и безумию. Её греховность не сравнится с Британией или Францией. Горожане, лавочники и торговцы молятся на государство, одновременно предаваясь безумствам, обжорству, распутству и глупости. Банда попов и профессоров, докторов и бюрократов, которые заключили договор с невежеством, проклиная Иисуса Христа и Руссо, восторгаясь Кальвином. В их глазах можно прочесть “Noli me tangere” (лат. «Не трогай меня». – А. В.) и т. д. и т. д., так что я не вижу конца всему этому. Всё это опустошило мою страну, я не могу больше писать – к чёрту

перо» [6, с. 84]. То есть, очевидно, Швейцария идеально подходила для целей Мэри Шелли с точки зрения биоэтики, как её, биоэтику, понимали в конце XVIII – начале XIX веков. В общем, европейская страна с образцово-показательной протестантской этикой – абсолютно логичный выбор места рождения героя, которому в будущем предстоит реализовать ряд сомнительных научных экспериментов над биологическими объектами!⁷ Неслучайно невеста Франкенштейна, Элизабет, в письме к нему отмечает: «Республиканский строй нашей страны породил более простые и здоровые нравы, чем в окружающих нас великих монархиях» (с. 76). Кстати, известно, что слова эти в рукопись романа своей жены добавил сам Перси Биши Шелли.

Отметим, что действие описываемых в романе событий происходит в последнее двадцатилетие XVIII века. Именно в 1780 году Луиджи Гальвани произвёл свои первые электрофизиологические опыты на лягушках, дав название самому явлению – гальванизм. И атмосфера романа наэлектризована ничуть не меньше, чем физическая атмосфера, в которой разворачивается его действие. Всё повествование небеса извергают громы и молнии; все эпизоды появления на страницах романа демона, дьявола – именно так и не иначе Шелли называет созданное Франкенштейном существо – сопровождают электрические явления (или электрические метафоры). Даже выписанные в ряд, без всяких затей, они сами собой рожают вполне полноценную драматургическую канву романа...

«Там я смогу открыть секрет дивной силы, влекущей к себе магнитную стрелку» (с. 15); «Меня словно озарил новый свет» (с. 44); «...то была последняя попытка добрых сил отвлечь грозу, уже нависшую надо мной и готовую меня поглотить» (с. 48); «Они приобрели новую и почти безграничную власть, они повелевают небесным громом...» (с. 56); «...как вдруг среди полной тьмы блеснул внезапный свет» (с. 61); «...молнии чертили дивные узоры вокруг вершины Монблана» (с. 89); «Слабые вспышки молний освещали Юру... Сверкнувшая молния осветила фигуру, и я ясно её увидел; гигантский рост и немыслимая для обычного человека уродливость говорили, что передо мной был мерзкий дьявол, которому я даровал жизнь» (с. 90); «... уже при следующей вспышке молнии я увидел, как он карабкается на почти отвесную стену» (с. 91); «Некоторое время я просидел у окна, наблюдая бледные зарницы, полыхавшие над Монбланом...» (115); «...так подойди же ко мне, и я погашу искру жизни, которую зажжёт так необдуманно» (это – Виктор Франкенштейн, с. 120); «Помню, что сильный свет заставил меня закрыть глаза» (а это – первые ощущения ожившей материи, то есть демона, с. 124); «Зачем тут же не погасил искру жизни, так необдуманно зажжённую тобой?» (тоже демон – обращаясь к Франкенштейну, с. 164)... Это – почти полная опись всего, что есть «электрического» в романе Мэри Шелли.

Для нагнетания ужаса Шелли использует ещё один хрестоматийный приём: появление в кадре луны (очень часто – жёлтой). «Ночами при свете месяца я неутомимо и неустанно выслеживал природу в самых сокровен-

⁷ Современный социолог науки Дж. МакКлелланд приводит эмпирические данные о том, что физики-экспериментаторы в западных странах почти всегда имеют протестантское происхождение, даже если сами не религиозны [19]. См. подробнее в: [20, с. 286].

ных её тайнах» (с. 64); «И тут в мутном жёлтом свете луны, пробивавшемся сквозь ставни, я увидел гнусного уroda, сотворённого мной» (с. 68), «Луна перестала всходить, потом появилась опять в уменьшенном виде, а я всё ещё жил в лесу» (с. 126); «Однажды вечером я сидел в своей лаборатории; солнце зашло, а луна ещё только поднималась над морем» (с. 204), «И тут, подняв глаза, я увидел при свете луны демона, заглядывающего в окно» (с. 206), «Между двумя и тремя часами утра взошла луна...» (с. 213), «Окна комнаты были раньше затемнены, а теперь я со страхом увидел, что комната освещена бледно-жёлтым светом луны» (с. 247).

Ничего вам не напоминает этот лунный хоровод? Правильно – Лунное общество Эразма Дарвина!

Есть в романе эпизод, принципиально важный для понимания сути тех сил и процессов, которыми пришлось овладеть Виктору Франкенштейну, чтобы оживить мёртвую материю. (А вернее – ещё обладающую признаками жизни протоплазму.) Вот он. «Когда мне пошёл пятнадцатый год, мы переехали на нашу загородную дачу возле Бельрив и там стали свидетелями на редкость сильной грозы. Она пришла из-за горного хребта Юры; гром страшной силы загредел отовсюду сразу. Пока длилась гроза, я наблюдал её с любопытством и восхищением. Стоя в дверях, я внезапно увидел, как из мощного старого дуба, росшего в каких-нибудь двадцати ярдах от дома, вырвалось пламя, а когда исчез этот слепящий свет, исчез и дуб, и на месте его остался один лишь обугленный пень. Подойдя туда на следующее утро, мы увидели, что гроза разбила дерево необычным образом. Оно не просто раскололось от удара, но всё расщепилось на узкие полоски. Никогда я не наблюдал столь полного разрушения.

Я и прежде был знаком с основными законами электричества. В тот день у нас гостил один известный естествоиспытатель. Случай с дубом побудил его изложить нам собственные свои соображения о природе электричества и гальванизма, которые были для меня и новы, и живительны» (с. 47).

Поразительно, но Мэри Шелли в этом отрывке удивительно близко подошла к действительному объяснению природы гальванизма и электричества: только в 1844 году Карло Маттеуччи опубликует серию работ, в которых окончательно докажет, что эти два феномена – «гальванический флюид» и «электрический флюид» – суть одно и то же явление. Исторический спор Гальвани и Вольты, таким образом, был завершён победоносной ничьей!

В первом – 1818 года – издании романа после описанного эпизода с дубом и молнией у Мэри Шелли следовало продолжение: «Гибель дерева крайне изумила меня, и я стал спрашивать отца о природе грома и молнии. Он ответил: “Электричество” и описал различные проявления этой силы. Соорудив маленькую электрическую машину, он поставил несколько опытов. Сделал он и воздушного змея, на проволоке и верёвках, который притягивал этот флюид из туч» [2, с. 553].

Наконец, отметим ещё один приём, который Мэри Шелли использует для нагнетания ужаса. Впервые после «активации» демона Виктор Франкенштейн увидел своё творение два года спустя совершенно случайно – в свете вспышек молний, конечно! – карабкающимся «на почти отвесную скалистую гору Мон

Салэв» в Альпах. А спустя несколько дней (может быть – недель) происходит самая продолжительная и важная встреча и разговор Франкенштейна и демона, длившаяся целый день: демон рассказывает своему создателю, как он дошёл до жизни такой, что стал мстить роду человеческому (то есть, нам с вами – homo sapiens). В качестве окружающего фона – опять Альпы. «Склон горы очень крут... На каждом шагу встречаются следы зимних лавин: поверженные на землю деревья, то совсем расщеплённые, то согнутые, опрокинутые на выступы скал или поваленные друг на друга. По мере восхождения тропа всё чаще пересекается заснеженными промоинами, по которым то и дело скатываются камни» (с. 117). И дальше: «Я немного посидел на скале, нависшей над ледяным морем. Как и окрестные горы, оно тоже тонуло в тумане. Но вскоре ветер рассеял туман, и я спустился на поверхность глетчера» (с. 118).

Вообще в романе Шелли чрезвычайно много места отведено описанию горных пейзажей. Сознательно или нет, но Мэри Шелли делает очевидный акцент на живописании ландшафтов, которые заставляли трепетать ещё человека античности. Недаром, например, Тит Ливий совершенно искренне вспоминал тот ужас, который вызывали в нём Альпы. Представьте себе, что испытывали тысячи римских легионеров, как раз в то время преодолевавших альпийские перевалы, расширяя пространство Священной империи. Горы очень долго считались уродливым явлением в отличие от искусственных ландшафтов.

«Я думаю, что мне никогда больше не придёт охота перебираться ещё раз через горы; лучше уж проехать тысячу миль морем, хотя бы меня каждую неделю трепали бури»⁸, – заявляет персонаж Даниэля Дефо – Робинзон Крузо. Человек отнюдь не робкого десятка, Крузо так выразил свои впечатления после путешествия через Пиренеи. Описанный в романе Дефо эпизод относится к 1688 году.

Восхищение горами, горными пейзажами – это уже признак появления на исторической сцене человека Нового времени, с соответствующей системой эстетических ценностей. «Лучше гор могут быть только горы...» – ставшая афоризмом строчка из знаменитой песни Владимира Высоцкого – это вообще новейшая история, такое мог сказать только человек эпохи постмодерна. Но во времена Мэри Шелли всё ещё не утратила своей грозной актуальности другая максима Высоцкого: «Здесь вам не равнина, здесь климат иной».

5. ОЖИВЛЕНИЕ ПРОТОПЛАЗМЫ

В романе едва ли наберётся в сумме две страницы текста с описанием собственно сути экспериментов Франкенштейна – глухие намеки и полунамеки. И всё-таки, пусть очень противоречиво, путано и неуверенно, Мэри

⁸ Дефо Д. Приключения Робинзона Крузо / Пер. с англ. М. А. Шишмаревой. М.: Дрофа-Плюс, 2006. С. 332.

Шелли даёт нам некоторые зацепки, по которым можно попытаться реконструировать экспериментальную часть работы Виктора Франкенштейна. Некоторые изыскания по тексту романа предпринять можно. Но сначала взглянем на конечный результат: что же за существо «изваял» Виктор Франкенштейн.

Первое знакомство с демоном происходит при следующих обстоятельствах.

«Однажды ненастной ноябрьской ночью я узрел завершение моих трудов. С мучительным волнением я собрал всё необходимое, чтобы зажечь жизнь в бесчувственном создании, лежавшем у моих ног. Был час пополуночи; дождь уныло стучал в оконное стекло; свеча почти догорела; и вот при её неверном свете я увидел, как открылись тусклые желтые глаза; существо начало дышать и судорожно подёргиваться» (с. 66–67). Обратите внимание, опять: «зажечь жизнь», «тусклые желтые глаза» (луна, как мы уже отмечали, в романе Мэри Шелли тоже почти всегда жёлтая); «существо начало дышать и судорожно подёргиваться» (вспомните описание опыта Джованни Альдини). Привет Луиджи Гальвани!

Шелли несколько раз на протяжении романа повторяет для нас портрет существа, чрезвычайно противоречивый портрет, прямо скажем: «...члены его были соразмерны, и я подобрал для него красивые черты. Красивые – боже великий! Жёлтая кожа слишком туго обтягивала его мускулы и жилы; волосы были чёрные, блестящие и длинные, а зубы белые как жемчуг; но тем страшнее был их контраст с водянистыми глазами, почти не отличимыми по цвету от глазниц, с сухой кожей и узкой прорезью черного рта» (с. 67); «...на него невозможно было смотреть без содрогания. Никакая мумия, возвращённая к жизни, не могла быть ужаснее этого чудовища» (с. 68); «... существо, которое не опишешь словами: гигантского роста (восемь футов, то есть около 2,5 метров. – прим. А. В.), но уродливо непропорциональное и неуклюжее. Его лицо <...> было скрыто прядями длинных волос; видна была лишь огромная рука, цветом и видом напоминавшая тело мумии» (с. 277). Здесь концы с концами ну никак не сходятся: «...члены его были соразмерны, и я подобрал для него красивые черты», и «...существо <...> уродливо непропорциональное и неуклюжее». Чему верить?

Кстати, по поводу якобы неуклюжести демона: «В этот миг я увидел человека, приближавшегося ко мне с удивительной быстротой. Он перепрыгивал через трещины во льду, среди которых мне пришлось пробираться так осторожно... Когда человек приблизился, я узнал в нём (о, ненавистное зрелище!) сотворенного мной негодяя» (с. 119).

Однако нас сейчас интересует другое. Как, какими методами Виктор Франкенштейн сумел создать такое существо?

«Для исследования причины жизни мы вынуждены обращаться сперва к смерти. Я изучил анатомию, но этого было мало; необходимо было наблюдать процесс естественного распада и гниения тела... кладбище представлялось лишь местом упокоения мёртвых тел, которые из обиталищ красоты и силы сделались добычей червей. Теперь мне предстояло изучить причины и ход

этого разложения и проводить дни и ночи в склепах» (с. 60)⁹. Заметим попутно, что это фактически пересказ в прозе уже цитированного выше отрывка из стихотворения Перси Биши Шелли «О смерти».

И уж совсем, казалось бы, подтверждает версию «конструирования» жизни «из частей трупов» следующие строки: «Ночами при свете месяца я неутомимо и неустанно выслеживал природу в самых сокровенных её тайниках. Как рассказать об ужасах этих ночных бдений, когда я рылся в могильной плесени или терзал живых тварей ради оживления мёртвой материи? <...> Я собирал кости в склепах; я кощунственной рукой вторгался в сокровеннейшие уголки человеческого тела. Свою мастерскую я устроил в уединённой комнате, вернее, чердаке, отделённом от всех других помещений галереей и лестницей; иные подробности этой работы внушали мне такой ужас, что глаза мои едва не вылезали из орбит. Бойня и анатомический театр поставляли мне большую часть моих материалов; и я часто содрогался от отвращения, но, подгоняемый всё возрастающим нетерпением, всё же вёл работу к концу» (с. 64).

Тут можно вспомнить и Эразма Дарвина. В своей научно-философской поэме «Храм Природы», опубликованной в 1803 году уже после его смерти, он делает фактически и психологически очень схожую реконструкцию:

*А в глубине глубин, в пещерах тесных,
Царит Забвенье меж гробов безвестных,
Свергает камни славные могил,
Из урн уносит пепел, что в них был;
<...>
Зелёная здесь плесень пол покрыла,
Ползут улитки, оставляя слизь,
И стаи толстых ящериц уныло
Вдоль влажных стен повсюду расплзлись;
И муза Грусти, унывая вечно,
На белых здесь костях сидит, стенья,
И о красе, увядшей быстротечно,
Скорбит и плачет, голову склоня¹⁰.*

Напомню, все описываемые выше события происходят в университетском городке Ингольштадт.

⁹ Вот как эту же задачу, но в поэтической форме сформулировал Эразм Дарвин:

*И Человек, владыка всех зверей,
Умом и речью плавною своей
Кичащийся, прах гордо отменяя
И образом Творца себя считая, -
От первых тех начал происходя,
Возникли все они, без исключений,
От тех зачатков форм и ощущений,
Эмбриональных точек бытия!*

Источник: Дарвин Э. Храм Природы. Пер. Н. А. Холодковского, пред. и коммент. академика Е. Н. Павловского. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. С. 21–22.

¹⁰ Дарвин Э. Храм Природы... М., 1954. С. 16.

Но где Виктор Франкенштейн раздобыл столько трупного материала, когда два года спустя, поддавшись уговорам демона, взялся за создание подруги (Евы, не иначе!) для него? («Моя подруга должна быть такой же, как я, и отличаться таким же уродством. Это существо ты должен создать», – выдал своеобразное «техническое задание» Франкенштейну созданный им демон.) Дело в том, что для своего второго эксперимента Франкенштейн выбрал единственный островок у северного побережья Шотландии, один из многочисленных островков из группы Оркадских. И тут опять нам приходится поражаться закономерности появления практически любой детали в романе Мэри Шелли. Ведь неслучайно именно Оркады (*лат. Orcades*) – это название восходит к имени древнеримского бога смерти и подземного мира Орка. «Почва там бесплодна и родит только траву для нескольких жалких коров да овёс для жителей, которых насчитывается всего пять... Овощи и хлеб, когда они позволяют себе подобную роскошь, и даже свежую воду приходится доставлять с большого острова, лежащего на расстоянии около пяти миль», – так описывает Франкенштейн свою экспериментальную базу (с. 202).

Каким может быть выход из этой логической ловушки? Ну, например, таким.

Современная американская писательница Сьюзан Хейбур О'Киф, – кстати, автор детских бестселлеров, – в своём романе «Чудовище Франкенштейна» (2010 г.) описывает события, происходящие спустя десять лет после гибели в арктических льдах доктора Франкенштейна. Повествование ведётся от имени демона, который выжил и не оставляет попыток адаптироваться к человеческому социуму. В результате довольно нетривиальных событий он опять хочет укрыться на том самом островке, где Франкенштейн «собирал» для него Еву десять лет назад. Вот как демон описывает в своём дневнике те события десятилетней давности, происходившие на скалистом шотландском островке, «где отец <то есть, Виктор Франкенштейн> устроил лабораторию»: «Никто меня, конечно, не узнал, ведь прошло десять лет. К тому же, следя за отцом, я прятался, подплывал к скале только по ночам, а когда доставляли “посылки”, держался дальней стороны... Туда-то я и стремлюсь – на этот островок Преисподней, вышедший на поверхность, где мне пообещали вернуть жизнь, которой у меня никогда не было»¹¹

Для пущей достоверности демон приводит в своём дневнике сочное свидетельство одного местного моряка: «Из Англии и с континента доставляли огромные ящики, от которых исходил запах смерти и разложения. В окрестностях стали исчезать и без того немногочисленный домашний скот; прочих животных находили покалеченными <...> Горстка местных жителей, доведённых до крайности зловонием и сценами, подсмотренными ночью в окно, покинула остров. Вскоре нанятые незнакомцем головорезы лишь подплывали на лодке к берегу, сбрасывали на песок всё более устрашающие предметы, именуемые припасами, и уплывали прочь». Что было в этих «посылках» Франкенштейну – легко представить: «Наш капитан <...> помнил прода-

¹¹ О'Киф С. Х. Чудовище Франкенштейна : Роман / Пер. с англ. В. Нугатова. М.: Астрель, 2011. С. 321.

вленный нижний угол с тёмным влажным пятном, помнил шорох внутри и слабое царапанье о доски»¹².

Ну что ж, такой вариант тоже возможен. Но даже для времён, в которые разворачивается действие романа Мэри Шелли, это выглядит слишком громоздко. Суровые северяне, которые не боялись ночью заглядывать в окно лаборатории Франкенштейна и наблюдать там, судя по всему, нечто среднее между занятиями в анатомическом театре и разделкой туш в мясной лавке, вдруг побоялись вскрыть один из ящиков, предназначенных Франкенштейну... Вы верите в это? Я тоже не верю.

Всё встаёт на свои места, если предположить, что развитие событий могло быть только таким: Франкенштейн использовал собранный им в анатомических театрах материал не для того, чтобы «сшивать» части трупов в единое целое. Трупный материал – это лишь необходимый источник протоплазмы, образцы которой он затем высеивал в лабораторной посуде и размножал. Скорее всего, Франкенштейн занимался не оживлением трупов, – их просто негде было бы взять на пустынном острове, – а синтезом клеточной биомассы. В том числе – нейронов. Сегодня сказали бы, что он занимался клонированием человека (или манипуляциями со стволовыми клетками)¹³. А вот толчок к делению клетки в процессе клонирования даёт как раз электрический разряд¹⁴. Это уже классическая биотехнология, ставшая лабораторной рутинной к концу XX века: «Предполагают, что слияние двух соседних клеток при подаче на них внешнего электрического поля происходит за счёт необратимого электрического пробоя контактирующих мембран» [21].

Характерно, что именно такой вариант – инициирование протоплазмы электрическими разрядами – был выбран во всех киноверсиях истории учёного Виктора Франкенштейна. (По некоторым подсчётам, во всём мире было создано более сотни кино- и телефильмов по мотивам романа Мэри Шелли.) Например, в классической картине Фрица Ланга «Метрополис» (1926 г.), возможно, самый знаменитый кадр выглядит так. Явно полусумасшедший учёный стоит возле лабораторного стола, на котором лежит некое тело, обвитое проводами и электродами. У изголовья – нечто весьма напоминающее лейденскую банку, то есть электрический конденсатор. А в фильме Мэла

¹² Там же, с. 323.

¹³ Очень показателен анонс фильма «Франкенштейн», который демонстрировался на российском телевидении (канал «Культура») 7 февраля 2009 г.: «Драма. Доктор Виктория – талантливый учёный. Её исследования стволовых клеток и возможности создания на их основе человеческих органов оказываются очень удачными. Ради спасения неизлечимо больного сына Виктория решается на очень опасный эксперимент – она берёт для продолжения работы образец крови мальчика. Через некоторое время становится ясно, что эксперимент вышел из-под контроля... Режиссер Джед Меркурио... Великобритания 2007 г.». Цит. по: Семь дней. 2009. № 6. 2-8 февраля, с. 39.

¹⁴ Опять не могу удержаться и не привести строки из цитированного уже «Храма Природы» нашего хорошего знакомого Эразма Дарвина:

*Тягучей клейковиною вяжась,
Нить с нитью, с тканью ткань вступила в связь,
И быстрой Сократительности сила
В волокнах тонких жизнь воспламенила.*

Источник: Дарвин Э. Храм Природы... М., 1954. С. 16

Брукса «Молодой Франкенштейн» (1974 г.) пространство между электродами, опоясывающими тело демона, и мощным телескопическим наконечником электростатической машины прошивают уже настоящие молнии. Видимо, режиссёры подспудно понимали, что без электрошокера (вариант: дефибриллятора) в том или ином варианте в деле оживления трупов не обойтись.

Опять же, по-видимому, неслучайно, именно современных генетиков сравнивают часто с Виктором Франкенштейном. Он стал чуть ли не святым покровителем учёных, работающих в этой области биологии. «Генетик в роли доктора Франкенштейна» – название главы в коллективной монографии английских учёных из Оксфордского университета. «В глазах современной общественности генетики часто ассоциируются с образом героя романа Мэри Шелли “Франкенштейн”, безумно увлечённого своей работой и создавшего ужасное чудовище, – пишут англичане. – Генетиков обвиняют в том, что они во что бы то ни стало, невзирая на финансовые траты, стремятся приоткрыть завесу над тайнами жизни, создают вредные продукты и даже нарушают мировой порядок. Того и гляди, жители всемирной деревни, уподобившись своим собратьям из романа Шелли, вооружатся метафорическими вилами и пойдут на штурм замка науки, топча по дороге поля генетически модифицированных продуктов и выкрикивая лозунги протеста против “новой генетики”» [22, с. 319].

Косвенным подтверждением сказанному может служить ещё одно обстоятельство. Обратите, внимание: Мэри Шелли нигде в романе не восторгается *хирургической* сноровкой или *хирургическим* инструментарием, применённым Франкенштейном для сшивания частей трупов. А ведь это было бы естественно! Зато она три раза упоминает о новых, необычных «*химических приборах*» (sic!), созданных Виктором Франкенштейном в рамках проводимого им эксперимента по оживлению протоплазмы. («...я добился таких успехов, что к концу второго года <обучения в университете. – прим. А. В.> придумал некоторые усовершенствования в химической аппаратуре, завоевавшие мне в университете признание и уважение» (с. 59); «...вид химических приборов вновь вызывал мучительные симптомы нервного расстройства» (с. 80); «Надо было упаковать мои химические приборы... Пока же я сел на берегу и занялся чисткой и приведением в порядок моих химических приборов» (с. 212)).

Между прочим, чем-то подобным занималась и знаменитая в своё время советский биолог и пламенная революционерка (почти – Современный Прометей) Ольга Борисовна Лепешинская¹⁵. У них даже фамилии – игра аллитераций и ассонансов: Шелли – Лепешинская. У Ольги Борисовны и печатные работы назывались очень характерно и актуально в контексте на-

¹⁵ «Лепешинская была посредственным биологом, но при этом была весьма внушительной фигурой в политическом отношении; это объяснялось тем, что она являлась членом Коммунистической партии с момента её создания, а также её сотрудничеством с Лениным и многими другими советскими политическими лидерами. В 1950 г., то есть в том году, когда в Советском Союзе существовал политический гнёт, Лепешинская заявила, что ею получены клетки из живой неклеточной материи. При этом она даже утверждала, что ей удалось получить эти клетки из питательных сред всего за 24 часа. Её работа заслужила высокую оценку со стороны самого Лысенко», – пишет об этом персонаже известный американский историк науки Лорен Грэхэм [23, с. 85].

шего разговора о романе Мэри Шелли: «Роль живого вещества в процессе заживления ран» (1940, неопубликовано), «Происхождение клеток из живого вещества» (1951); «У истоков жизни» (1952); «Клетка: её жизнь и происхождение» (1952). И лексика-то у Лепешинской и Шелли порой совпадает чуть ли не текстуально. Сравните.

У Лепешинской: «...я взяла кровь головастика и стала изучать её. И что же я увидела? В излившейся из головастика жидкости я увидела желточные шары самой разнообразной формы... Передо мной была картина развития какой-то клетки из желточного шара» [24, с. 10]; «Исходя из этих соображений, мы перешли к изучению развития желточных шаров в яйцах кур, канареек, рыб и живого вещества просто построенных многоклеточных (гидр) и простейших животных (евглен)» [Там же, с. 11]; «Живая протоплазма в природе есть, она есть и в каждом организме. Живое вещество есть в каждой клетке и вне клетки. Всякий организм ведь не сумма клеток, как утверждает Вирхов, а сложная система, состоящая не только из клеток, но и живого вещества, не оформленного в клетки...» [Там же, с. 17].

А вот у **Шелли:** «...я неутомимо и неустанно выслеживал природу в самых сокровенных её тайниках. Как рассказать об ужасах этих ночных бдений, когда я рылся в могильной плесени или терзал живых тварей ради оживления мертвой материи?» (с. 64).

Опять – у **Лепешинской:** «Какая вопиющая несправедливость! Как непростительно мало люди знают о себе, о жизни своего тела, вообще о жизни, о законах её развития, о тех опасностях, которые угрожают жизни, которые подстерегают её на каждом шагу! До слёз обидно становится, когда подумаешь, что человек, создавший первое в мире советское государство, государство свободного труда, науки и искусства, умирает в полном расцвете сил от незначительных на первый взгляд нарушений деятельности организма...» [25, с. 9]; «Чтобы лечить организм нужно знать его в подробностях, досконально. Проработав почти двадцать пять лет фельдшерницей и врачом, перечитав сотни книг, я на собственном опыте убедилась, что настоящих знаний о живом организме у нас ещё очень мало...» [Там же, с. 39]; «Но вот есть такие в теле человека, которые называются поперечнополосатыми. Как ни разглядывай эти мышцы под микроскопом, никаких клеток в них не нашли. В них есть много ядер, есть протоплазма, но нет клеток» [Там же, с. 54].

И опять – у её предшественницы, **Шелли:** «Одним из предметов, особенно занимавших меня, было строение человеческого и вообще любого живого организма. Где, часто спрашивал я себя, таится жизненное начало? <...> Я увидел, чем становится прекрасное человеческое тело; я наблюдал, как превращается в тлен его цветущая красота; я увидел, как всё, что радовало глаз и сердце, достаётся в пищу червям. Я исследовал причинные связи перехода от жизни к смерти и от смерти к жизни... Ценою многих дней и ночей нечеловеческого труда и усилий мне удалось постичь тайну зарождения жизни; более того – я узнал, как самому оживлять безжизненную материю» (с. 60–61); «Я знал, как оживить безжизненное тело, но составить такое тело, во всей сложности нервов, мускулов и сосудов, оставалось задачей невероятно трудной. Я колебался, создать ли себе подобного или же более простой организм...» (с. 62).

Это заявление Виктора Франкенштейна, возможно, самое «тонкое», нелогичное место в романе Мэри Шелли. Если Франкенштейн мог оживлять («дovодить до жизни», перефразируя устойчивое словосочетание «дovодить до смерти») трупы, то почему бы ему не оживить убиенных демоном – любимца и гордость всей семьи Франкенштейнов, младшего брата Виктора Уильяма, своего друга Анри Клерваля; что мешало, наконец, оживить задушенную демоном молодую супругу Виктора, Элизабет? Ответа в романе мы не найдём. Не найдём даже морализаторской версии объяснения. Мэри Шелли просто оставляет этот вопрос на наше читательское усмотрение. Только один глухой намек, вложенный в уста Виктора Франкенштейна: «Раз я научился оживлять мёртвую материю, рассуждал я, со временем (хотя сейчас это было для меня невозможно) я сумею также давать вторую жизнь телу, которое смерть уже обрекла на исчезновение» (с. 63).

Как бы там ни было, вот третья пара цитат из произведений двух замечательных, по-своему, женщин.

Ольга Лепешинская: «Ну, а если мне не показалось, и я действительно вижу рождение клетки не от другой клетки, а из неживого желтка¹⁶? Дух захватывало от этой мысли, от волнения начинали дрожать руки. Ведь тогда же переворот в биологии! Тогда необходимо признать глупостью все рассуждения Рудольфа Вирхова, морганистов, вейсманистов, перечеркнуть сотни прославленных в своё время томов сочинений биологов различных стран... Да и с самим Пастером, с этим великаном науки, придётся поспорить, и крепко поспорить» [25, с. 66].

Мэри Шелли: «Я исследовал причинные связи перехода от жизни к смерти и от смерти к жизни, как вдруг среди полной тьмы блеснул внезапный свет – столь ослепительный и вместе с тем ясный, что я, потрясённый открывшимися возможностями, мог только дивиться, почему после стольких гениальных людей, изучавших этот предмет, именно мне выпало открыть великую тайну» (с. 61).

Конечно, такое параллельное прочтение текстов, разделённых почти полуторавековой дистанцией, не более чем мысленный эксперимент, интеллектуальная провокация. Но, согласитесь, трудно удержаться от таких сопоставлений. И не только нам.

В 1845 году Эдгар Аллан По в пародийном рассказе «Разговор с мумией» описывает похожие манипуляции, которые проводит компания из нескольких уважаемых, но подвыпивших учёных с четырёхтысячелетней мумией: «...кто-то предложил один-два опыта с вольтовой батареей... Нам стоило немалых трудов обнажить край височной мышцы, которая оказалась значительно менее окостенелой, чем остальная мускулатура тела, однако же, как и следовало ожидать, при соприкосновении с проводом не проявила, разумеется, ни малейшей гальванической чувствительности... как вдруг я мельком взглянул на мумию и замер в изумлении»¹⁷. Дальше вы понимаете, что про-

¹⁶ *Так без отца, без матери, одни
Возникли произвольно в эти дни
Живого праха первые комочки...*

Источник: Дарвин Э. Храм Природы... М., 1954. С. 19–20.

¹⁷ По Э. А. Разговор с мумией // [bookonline.com.ua](https://bookonline.com.ua/view.php?book=67727&page=2). URL: <https://bookonline.com.ua/view.php?book=67727&page=2> (дата обращения: 16.08.2021).

исходило. Кстати, по мотивам этого юмористического рассказа в 1933 году был снят вполне серьёзный американский фильм ужасов – «Мумия жива» (*The Mummy Lives*).

И всё это выглядело не так наивно, как нам сегодня может показаться. Особенно в начале XIX века, когда, скажем, знаменитый немецкий естествоиспытатель Александр фон Гумбольдт (1769–1859) проводил гальванические опыты на себе: скальпелем вскрывал мышцу плеча и прикладывал к ней электроды...

6. ЧУЖАЯ РОДНЯ

«Чудовище во “Франкенштейне”, несомненно, является устрашающим созданием. Попав в человеческое общество, оно не могло встретить у людей иного приёма, нежели тот, что описан в книге», – категоричен Перси Биши Шелли [2, с. 484]. И всё-таки: чем же был так ужасен демон?

Рост под 2.50... Черты лица смахивают на реконструкцию черепа неандертальцев... Но некоторые из современных баскетболистов или боксёров-тяжеловесов вполне подходят под этот «фоторобот». К тому же, вспомним, как сам Франкенштейн описывал своё детище: «...члены его были соразмерны, и я подобрал для него красивые черты». Так что же заставляет Виктора Франкенштейна, а заодно и некоторых читателей романа содрогаться от ужаса до сих пор?

Мэри Шелли бросает по этому поводу фразу, которая абсолютно понятна, но абсолютно ничего не объясняют: «Придумала! То, что напугало меня, напугает и других; достаточно описать призрак, явившийся ночью к моей постели» (с. 12). А ведь этот роман потому и стал классикой, потому и породил бесчётное количество эпигонов (и не только в литературе, но и в кинематографе, например), что вызывает именно какой-то онтологический ужас. Описаний уродств и кровавых злодеяний, причём гораздо более убедительных и драматических, было достаточно и до Мэри Шелли с её «Франкенштейном...», и более чем достаточно после неё. За объяснением этой загадки опять попробуем обратиться к тексту романа.

Прежде всего, что мы знаем о фенотипе демона? Немного, но всё-таки...

«Поскольку сбор мельчайших частиц очень замедлил бы работу, – вспоминал Виктор Франкенштейн, – я отступил от своего первоначального замысла и решил создать гиганта – около восьми футов ростом и соответственно мощного сложения... *Новая порода людей* благословит меня как своего создателя; множество счастливых и совершенных существ будут обязаны мне своим рождением» (с. 63). Из уст самого демона узнаём ещё кое-какие подробности: «...я был наделён отталкивающе уродливой внешностью и отличался от людей даже самой своей природой. Я был сильнее их, мог питаться более грубой пищей, легче переносил жару и холод и был гораздо выше ростом. Оглядываясь вокруг, я нигде не видел себе подобных. Неужели же я – чудовище, пятно на лице земли, создание, от которого все бегут и все отрекаются?» (с. 145–146).

Наконец, приведём рассуждения Франкенштейна, когда он обдумывает возможные последствия создания подруги для демона. «Даже если они покинут Европу и поселятся в пустынях Нового Света, одним из первых результатов привязанности, которой жаждет демон, будут дети, и на земле расплодится *целая раса демонов*, которая может создать *опасность для самого существования человеческого рода*» (курсив мой. – А. В.) (с. 205). И, ведь, что самое интересное, почти уже создал он эту демоническую Еву! Однако что-то его остановило в последний момент: «Остатки наполовину законченного создания, растерзанного мною на куски, валялись на полу; у меня было такое чувство, словно я расчленил на части живое человеческое тело» (с. 212).

Вальтер Скотт, автор одной из первых положительных рецензий на роман Мэри Шелли, абсолютно точен в объяснении причин такого поведения Виктора Франкенштейна: «Ему ясно, что тем самым он даст демону возможность стать родоначальником чудовищной расы, которая превзойдёт человечество в силе и дерзости и может стать угрозой самому существованию людского рода» [2, с. 493].

То есть, Мэри Шелли даёт нам понять, что Франкенштейн создал не просто некое уродливое – хотя это тоже ещё вопрос – биоробота, монстра-мегацефала, но разумное существо другого вида, если угодно – другого генетического кода.

Действительно, например, упоминание о чрезвычайной холодоустойчивости демона – это явный признак такой генетической мутации. Дело в том, что человек, *homo sapiens*, может адаптироваться к жаре, к ядам, даже к радиации... Все эти факторы, приводящие к денатурации белков живого организма, элиминируются, в определённых пределах конечно, так называемыми белками теплового шока, БТШ. Гены, контролирующие синтез БТШ, – очень древняя и консервативная система, необходимая для нормальной жизнедеятельности всех изученных до сих пор организмов на Земле [26]. Единственно, к чему человек не может выработать привычку – низкие температуры. Так Природа захотела. Между тем, демон в одном из своих граффити, оставленном для преследующего его Франкенштейна, злорадно заявляет: «Следуй за мной; я держу путь к вечным льдам Севера; ты будешь страдать от холода, к которому я нечувствителен» (с. 259). Одно это даёт полное основание отнести демона к новому виду человека разумного. Причём к виду, созданному в лабораторных условиях.

Демон – самое первое звено в длинной филогенетической цепочке видообразования. «Я стану звеном в цепи всего сущего, в которой мне сейчас не находится места», – заявляет демон (с. 181). Но человек разумный никогда, пожалуй, не потерпит существования с ним на одной планете разумных тварей другого вида. Печальная историческая судьба неандертальцев (*homo sapiens neanderthalensis*), вытесненных из Европы 25–30 тысяч лет назад нагрянувшими туда африканскими гоминидами *homo sapiens sapiens* (человек разумный разумнейший), – тому подтверждение. И эволюционная борьба за существование здесь ни при чём. «На самом же деле “борьба”, которую имел в виду Дарвин (на этот раз – внук Эразма, Чарльз Дарвин – прим. А. В.) и которая является движущей силой эволюции, – это в первую очередь *конку-*

ренция между ближайшими родственниками, – подчёркивает выдающийся австрийский биолог, лауреат Нобелевской премии в области физиологии и медицины Конрад Лоренц. – Вид перестаёт существовать в прежней форме или превращается в другой вид благодаря некоторому полезному “изобретению”, доставшемся одному или немногим собратьям по виду в результате совершенно случайного выигрыша в вечной лотерее Изменчивости» [27, с. 108–109].

Так что онтологический ужас, который не перестаёт излучать роман Мэри Шелли «Франкенштейн, или Новый Прометей», связан, на мой взгляд, отнюдь не с появлением очередного литературного героя – ожившего мертвеца. Вспомним хотя бы канонический пример с оживлением библейского персонажа – Лазаря. Ведь это не вызывает у верующих ужас; наоборот – слёзы умиления и просветления. Всё потому, что Лазарь – нашей породы, *homo sapiens sapiens*.

А вот у Мэри Шелли мы имеем дело именно с *новым видом* разумного существа. Мало того, некоторое полезное «изобретение», о котором пишет Конрад Лоренц, в данном случае не просто награда, выпавшая в лотерее, а сознательное дело рук человеческих. Страх и трепет вызывает именно открывшаяся перспектива быть вытесненными с эволюционной сцены новым видом разумных существ.

Нечто подобное описывают Аркадий и Борис Стругацкие в романе «Волны гасят ветер» (1984). «Пусть вас не сбивает с толку, что мы рождены людьми и от людей... свою расу мы создаём собственными руками, прямо сейчас, на ходу <...>. У нас ещё нет общепринятого самоназвания <...>. Я предпочитаю называть нас люденами. “Люден” – анаграмма слова “нелюдь” <...>. Мы – не люди. Мы – людены. Не впадите в ошибку. Мы – не результат биологической революции. Мы появились потому, что человечество достигло определённого уровня социотехнологической организации <...>. Мы не хотим забывать, что мы – плоть от плоти вашей и что у нас одна родина, и уже много лет мы ломаем голову, как смягчить последствия этого неминуемого раскола... Ведь фактически всё выглядит так, будто человечество раскалывается на высшую и низшую расы <...>. Вот я и пришёл к вам, чтобы искать выход». В ответ на эту исповедь людена один из героев романа Комов однозначно заявляет: «Выход один. Вы должны покинуть Землю»¹⁸.

Кстати, ужас ведь испытывает не только Франкенштейн по отношению к демону; ужас демона по отношению к человеку, то есть разумному существу другого вида, не менее искренен и драматичен. «Я радуюсь этому мрачному небу, ибо оно добрее ко мне, чем твои братья-люди. Если бы большинство их знало о моём существовании, они поступили бы так же, как ты, и попытались уничтожить меня вооружённой рукой. Не мудрено, что я ненавижу тех, кому так ненавистен. Я не пойду на сделку с врагами» (с. 122). Нечто подобное, возможно, чувствовали и неандертальцы.

Впрочем, что чувствовали неандертальцы – этого мы уже никогда не узнаем.

¹⁸ Стругацкий А., Стругацкий Б. Жук в муравейнике. Волны гасят ветер: Повести. Отягощенные злом, или Сорок лет спустя: Роман. Собрание сочинений. Т. 10. М.: Текст, 1993. С. 299–301, 303

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Кан В.* В иных мирах. Из истории фантастической литературы. Т. I / В. Кан, А. Лидин, С. Неграш. М. : Изд. Воробьев А.В., 2009. 271 с.
2. *Шелли М.* Франкенштейн, или Современный Прометей ; Последний человек / Изд. подгот. С. А. Антонов, Н. Я. Дьяконова, Т. Н. Потницева. М. : Ладомир ; Наука, 2010. 667 с.
3. *Шоню П.* Цивилизация Просвещения / Пер. с фр. И. Иткина, М. Гистер. Екатеринбург : У-Фактория; М. : АСТ МОСКВА, 2008. 688 с.
4. *Хайлбронер Р. Л.* Философы от мира сего. Великие экономические мыслители: их жизнь, эпоха и идеи / Пер. с англ. И. Файбисовича. М. : КоЛибри, 2008. 432 с.
5. *Лесников М.* Джемс Уатт. М. : Журнально-газетное объединение, 1935. 272 с.
6. *Шестаков В. П.* Гиллрей и другие... Золотой век английской карикатуры. М. : Российск. гос. гуманит. ун-т, 2004. 142 с.
7. *Дзери Ф.* Фюсли: Титания и Основа с ослиной головой / Пер. с итал. Е. Лысова. М. : Белый город, б. г. 48 с.
8. *Пикок Т. Л.* Воспоминания о Перси Биши Шелли // Факт или вымысел? Антология : эссе, дневники, письма, воспоминания, афоризмы английских писателей / Пер. с англ. М. : Б. С. Г.-ПРЕСС, 2008. 1125 с.
9. *Витковски Н.* Сентиментальная история науки / Пер. с фр. Д. Баюка. М. : КоЛибри, 2007. 448 с.
10. *Льоци М.* История физики / Пер. с итал. Э. Л. Бурштейна, М. : Мир, 1970. 464 с.
11. *Крыжановский Л. Н.* К 250-летию открытия электропроводности // Успехи физических наук. 1988. Т. 155, вып. 5. С. 129–132.
12. *Лебедев В. И.* Очерки по истории точных наук. Вып. пятый: Как постепенно образовался первый круг сведений о магнетизме и электричестве. М. : Литературно-издательский отдел Народного Комиссариата по Просвещению, 1919. 144 с.
13. *Дарвин Ч.* Биография Эразма Дарвина // Э. Дарвин. Храм Природы / Пер. Н. А. Холодковского, пред. и коммент. академика Е. Н. Павловского. М. : Издательство Академии Наук СССР, 1954. 237 с.
14. *Фейнберг Е. Л.* Две культуры. Интуиция и логика в искусстве и науке. Фрязино : Век 2, 2004. 287 с.
15. *Кикоин И.* Физика и научно-технический прогресс // Исаак Константинович Кикоин в жизни и в «Кванте» (к 100-летию со дня рождения). М. : Бюро Квантум, 2008. 240 с.
16. *Капица С. П.* Жизнь науки. М. : Издательский Дом ТОНЧУ, 2008. 592 с.
17. Англия. Автобиография / Под ред. Дж. Льюиса-Стемпела ; пер. М. Башкатова, И. Летберга под общ. ред. К. Королева. М. : Эксмо ; Спб. : Мидград, 2008. 624 с.
18. *Станюкович Т. В.* Кунсткамера Петербургской Академии наук. М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1953. 240 с.
19. *McClelland D.* The psychodynamics of creative physical scientist // Contemporary approaches to creative thinking. N. Y., 1962.
20. *Юревич А. В.* Социальная психология науки. СПб. : Изд-во РХГИ, 2001. 352 с.
21. *Чайлахян Л. М.* Электростимулируемое слияние клеток в клеточной инженерии / Л. М. Чайлахян, Б. Н. Вепринцев, Т. А. Свиридова, В. А. Никитин // Биофизика. 1987. Т. 32, № 5. С. 874–887
22. *Гутман Б.* Генетика / Б. Гутман, Э. Гриффитс, Д. Сузуки, Т. Кулис / Пер. с англ. О. Перфильева. М. : ФАИР-ПРЕСС, 2004. 448 с.

23. Грэхэм Л. Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе / Пер. с англ. М. : Политиздат, 1991. 480 с.

24. Лепешинская О. Б. Происхождение клеток из живого вещества. Стенограмма публичной лекции, прочитанной в Центральной лектории Общества по распространению политических и научных знаний в Москве. М. : Правда, 1951. 40 с.

25. Лепешинская О. Б. У истоков жизни. М.-Л. : ДЕТГИЗ, 1952. 96 с.

26. Евгеньев М. Почему северянам жарко в Туркменистане? // Знание – сила. 1994. № 3. С. 54–58.

27. Лоренц К. Так называемое зло / Пер. с нем. А. И. Федорова ; сост. А. В. Гладкий. М. : Культурная революция, 2008. 616 с.

Статья поступила в редакцию 01.06.2021.

Одобрена после рецензирования 10.08.2021. Принята к публикации 14.08.2021.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ваганов Андрей Геннадьевич *andrewvag@gmail.com*

Заместитель главного редактора, «Независимая газета»; ответственный редактор, приложение «НГ-Наука», Москва, Россия

AuthorID РИНЦ: 768249

Web of Science ResearcherID: F-9864-2016

DOI: 10.19181/smtp.2021.3.3.10

DR. FRANKSTEIN AND THE BIRTH OF HORROR

Andrey G. Vaganov¹

¹ Nezavisimaya Gazeta, Moscow, Russian Federation

Abstract. In the spring of 1818, a novel was published in England, which became the starting point of a new literary genre. The name of the discovered type of literature is sci-fi horror. The creator of sci-fi horror – Mary Shelley – was at that time only 21 years old. Even the title of the novel became today the common noun is “Frankenstein, or Modern Prometheus”. “Archetype of horror” – this is how literary critics say about this work. The article attempts to prove and show that the entire plot of the novel is based on discoveries made at that time in the science of electrical phenomena. The article also tells about experiments with electricity, conducted by scientists in the 18th – early 19th centuries, and their perception by contemporaries. The Whole structure, narrative of the novel, its rhetoric and even expressive artistic means are all works on the idea of bringing the natural-scientific basis under the absolutely seemingly fantastic plan. But, moreover, the novel can be viewed as a work of genius, foreseeing the emergence of what will be called molecular biology and genetic engineering.

Keywords: Frankenstein, Mary Shelley, Percy Shelley, horror, Galvani, Volta, electomania, genetics

For citation: Vaganov, A. G. (2021). Dr. Frankenstein and the Birth of Horror. *Science Management: Theory and Practice*. Vol. 3, no. 3. P. 193–225.

DOI: 10.19181/smtp.2021.3.3.10

REFERENCES

1. Kan, V., Lidin A. and Negrash C. (2009). *Vinykh mirakh. Iz istorii fantasticheskoi literatury* [In other worlds. From the history of fantastic literature]. Vol. 1. Moscow: Vorobjev A. V. publ. 271 p. (In Russ.).
2. Shelley, M. (2010). *Frankenstein: or, Modern Prometheus; The Last Man* [Russ. ed.: Shelli M. Frankenshtein, ili Sovremenniy Prometei; Poslednii chelovek]. Moscow: Ladimir publ., Nauka publ. 667 p. (In Russ.).
3. Chaunu, P. (2008). *La Civilisation de L' Europe des Lumières* [Russ. ed.: Shonyu P. Tsivilizatsiya Prosveshcheniya]. Transl. from Fr. I. Itkin, M. Gister. Ekaterinburg: U-Faktoriya publ., Moscow: AST Moscow publ. 688 p. (In Russ.).
4. Heilbroner, R. L. (2008). *The Worldly Philosophers* [Russ. ed.: Filosofiy ot mira sego: velikie ekonomicheskie mysliteli: ikh zhizn', epokha i idei]. Transl. from Eng. I. Faibisovich. Moscow: CoLibri publ. 430 p. (In Russ.).
5. Lesnikov, M. (1935). *Dzhems Uatt* [James Watt]. Moscow: Zhurnal'no-gazetnoe ob"edinenie publ. 272 p. (In Russ.).
6. Shestakov, V. P. (2004). *Gillrei i drugie... Zolotoi vek angliiskoi karikatury* [Gillray and others... the golden Age of English caricature]. Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet publ. 142 p. (In Russ.).
7. Dzeri, F. *Fyusli. Titaniya i osnova s oslinoi golovoi Fusli* [Titania and the donkey-headed foundation]. Transl. from It. Moscow: Belyi gorod publ. 48 p. (In Russ.).
8. Pikok, T. L. (2008). *Vospominaniya o Persi Bishi Shelli* [Memories of Percy Bysshe Shelley]. In: *Fakt ili vymysel? Antologiya: esse, dnevniki, pis'ma, vospominaniya, aforizmy angliiskikh pisatelei* [Fact or fiction? Anthology: essays, diaries, letters, memoirs, aphorisms of English writers]. Transl. from Eng. Moscow: B. S. G.-Press publ. 1125 p. (In Russ.).
9. Witkowski, N. (2007). *Une histoire sentimentale des sciences* [A Sentimental History of Science]. Transl. from Fr. D. Bayuk. Moscow: KoLibri. 448 p. (In Russ.).
10. L'otstsi, M. (1970). *Istoriya fiziki* [History of Physics]. Transl. from It. E L. Burshtein. Moscow: Mir publ. 464 p. (In Russ.).
11. Kryzhanovskii, L. N. (1988). *K 250-letiyu otkrytiya elektroprovodnosti* [On the 250th anniversary of the discovery of electrical conductivity]. *Uspekhi fizicheskikh nauk*. Vol. 155, no. 5. P. 129–132. (In Russ.).
12. Lebedev, V. I. (1919). *Ocherki po istorii tochnykh nauk. Vyp. 5: Kak postepenno obrazovalsya pervyi krug svedenii o magnetizme i elektrichestve* [Essays on the history of exact sciences. Issue 5: How the first circle of information about magnetism and electricity was gradually formed]. Moscow: Literaturno-izdatel'skii otdel Narodnogo Komissariata po Prosveshcheniyu. 144 p. (In Russ.).
13. Darwin, Ch. (1954). *Biografiya Erazma Darvina* [Biography of Erasmus Darwin]. In: Darwin, E. *The Temple of Nature* [Russ. ed.: Khram Prirody]. Transl. N. A. Kholodovskii, comment. E. N. Pavlovskij. Moscow: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR. 237 p. (In Russ.).
14. Feinberg E. L. (2004). *Dve kul'tury. Intuitsiya i logika v iskusstve i nauke* [Two cultures. Intuition and logic in art and science]. Fryazino: Vek-2 publ. 287 p. (In Russ.).
15. Kikoin, I. (2008). *Fizika i nauchno-tekhnicheskii progress* [Physics and scientific and technological progress]. In: *Isaak Konstantinovich Kikoin v zhizni i v «Kvante» (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya)* [Isaac Konstantinovich Kikoin in life and in "Quantum" (to the 100th anniversary of his birth)]. Moscow: Buro Kvantum. 240 p. (In Russ.).

16. Kapitsa, S. P. (2008). *Zhizn' nauki* [The life of science]. Moscow: Tonchu publ. 592 p. (In Russ.).
17. *England. Autobiography* [Russ. ed.: Angliya. Avtobiografiya]. (2008). Ed. by J. Luis-Stempel. Transl. M. Bashkatov, I. Letberg, K. Korolev. Moscow: Eksmo, St-Petersburg: Midgrad. 624 p. (In Russ.).
18. Stanyukovich T. V. (1953). *Kunstkamera Peterburgskoi Akademii nauk* [The Kunstkamera of the St. Petersburg Academy of Sciences]. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences publ. 240 p. (In Russ.).
19. McClelland, D. (1962). The psychodynamics of creative physical scientist. *Contemporary approaches to creative thinking*. N. Y.
20. Yurevich, A. V. (2001). *Sotsial'naya psikhologiya nauki* [Social psychology of science]. St-Petersburg: RKHGI. 352 p. (In Russ.).
21. Chailakhyan L. M., Veprintsev, B. N., Sviridova, T. A. and Nikitin, V. A. (1987). Elektrostimuliroemoe sliyanie kletok v kletochnoi inzhenerii [Electrostimulated cell fusion in cell engineering]. *Biofizika*. Vol. 32, no. 5. P. 874–887. (In Russ.).
22. Guttman, B., Griffiths A., Suzuki, D. and Cullis, T. (2004). *Genetics. A beginner's guide* [Genetika]. Transl. from Eng. O. Perfilieva. Moscow: Fair-Press publ. 448 p. (In Russ.).
23. Graham, L. R. (1991). *Estestvoznaniye, filosofiya i nauki o chelovecheskom povedenii v Sovetskom Soyuze* [Natural science, philosophy and the sciences of human behavior in the Soviet Union]. Transl. from Eng. Moscow: Politizdat publ. 480 p. (In Russ.).
24. Lepeshinskaya, O. B. (1951). *Proiskhozhdeniye kletok iz zhivogo veshchestva. Stenogramma publichnoi lektsii, pročitannoi v Tsentral'nom lektorii Obshchestva po rasprostraneniyu politicheskikh i nauchnykh znaniy v Moskve* [The origin of cells from living matter. Transcript of a public lecture delivered at the Central Lecture Hall of the Society for the Dissemination of Political and Scientific Knowledge in Moscow]. Moscow: Pravda. 40 p. (In Russ.).
25. Lepeshinskaya, O. B. (1952). *U istokov zhizni* [At the origins of life]. Moscow-Leningrad: Getgiz publ. 96 p. (In Russ.).
26. Evgen'ev, M. (1994). Pochemu severyanam zharko v Turkmenistane? [Why are Northerners hot in Turkmenistan?]. *Znanie – sila*. No. 3. P. 54–58. (In Russ.).
27. Lorenz, K. (2008). *Das sogenannte Böse. Zur Naturgeschichte der Aggression* [Russ. ed.: Tak nazyvaemoe zlo]. Transl. from Germ. A. I. Fedorov, ed. A. V. Gladkij. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya. 616 p. (In Russ.).

The article was submitted on 01.06.2021.

Approved after reviewing 10.08.2021. Accepted for publication 14.08.2021.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Vaganov Andrey andrewvag@gmail.com

Deputy Editor at “Nezavisimaya Gazeta”; Executive Editor, “NG-Nauka”, Moscow, Russian Federation

AuthorID RSCI: 768249

Web of Science ResearcherID F-9864-2016